

DOI: 10.18721/JHSS.8311

УДК 1(091)

ОТ ТОТАЛИТАРИЗМА К ОБЩЕСТВУ ПОТРЕБЛЕНИЯ: МЕТАМОРФОЗЫ ТОТАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Н.А. Соколова, А.А. Пылькин

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье с использованием дескриптивного метода, метода диахронического анализа, а также компаративного метода рассмотрены два типа идеологии, сложившиеся в XX в. в западном мире, — идеологии тоталитарных режимов и современной идеологии общества потребления. Они явились результатом осуществления просветительских идей и имеют как отличия, так и сходные черты. Для обществ, в которых существуют идеологии этих двух типов, характерны тотальный контроль над жизнью всех индивидов и, как следствие, отчуждение человека от собственной человечности, его тотальная несвобода. Причем диффузный контроль победившего общества потребления отличается гораздо большей эффективностью и тотальностью. Претендующая на критическое осмысление общества потребления постмодернистская критика с некоторых пор стала его неотъемлемой частью. Рассмотрены реалии современного мира, такие как международный терроризм и победа внесистемного кандидата на выборах в США, перед которыми такого рода критика оказывается несостоятельной.

Ключевые слова: диффузный контроль; тотальность; постмодернистская критика; общество потребления; терроризм

Ссылка при цитировании: Соколова Н.А., Пылькин А.А. От тоталитаризма к обществу потребления: метаморфозы тотального контроля // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 3. С. 113–121. DOI: 10.18721/JHSS.8311

FROM TOTALITARIANISM TO THE SOCIETY OF CONSUMPTION: METAMORPHOSIS OF TOTAL CONTROL

N.A. Sokolova, A.A. Pyl'kin

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The objective of the article is diachronic analysis and comparison of two types of ideology that emerged in the Western society by the 20th century: the ideology of the totalitarian regime and the contemporary ideology of 'the society of consumption'. Both of them are the result of the developing of the ideas that the Age of Enlightenment had postulated and they both have much in common. These two types of society both tend to total control over individuals, which leads to people's estrangement from their own humanity and total non-freedom. It must be pointed out that the diffusive control that is executed by 'the society of consumption' is much more total and effective than the totalitarian one. The postmodern critic that pretends to actualize critical comprehension of 'the society of consumption' in fact turns out to be its integral part. In the article, the realities of the contemporary world that cannot be grasped by this type of critic are considered, such

as international terrorism and the win of the off-system candidate in the presidential election in the USA.

Keywords: diffusive control; totality; post-modern critic; society of consumption; terrorism

Citation: N.A. Sokolova, A.A. Pyl'kin, From totalitarianism to the society of consumption: metamorphosis of total control, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (3) (2017) 113–121. DOI: 10.18721/JHSS.8311

Введение

В современности сложились два типа идеологии, конфликтующие между собой, но в то же время имеющие сходство – тотальный контроль над мышлением и поведением граждан. Первый тип идеологии, осуществляемый в тоталитарных государствах репрессивного типа, утвердился начиная с середины XX в. в Германии, Италии, Испании и СССР. Второй тип идеологии сложился во второй половине XX в. и проявился прежде всего в западных странах. Эти типы идеологии могут быть названы тоталитарными, а общества, в которых они существуют, «одномерными» [1], так как в каждом из них личность подвергается активному воздействию со стороны государства с целью стандартизации, подгонки ее желаний, притязаний к общепризнанному эталону. Попробуем проанализировать эти, казалось бы, полярные типы идеологии и выявить специфические механизмы стандартизации, присущие обоим типам.

В литературе, посвященной данной теме, анализу подвергаются отдельные аспекты либо *тоталитарных режимов*: работы Х. Арендт (историки, условия формирования и принципы функционирования тоталитарных обществ), Ф. Хайека (критика социалистической идеологии), И. Голомштока (искусство в помощь тоталитаризму), А. Мамедова (интеллектуальная свобода при тоталитарном режиме, трактовки термина «тоталитаризм»), В. Даренского (тоталитаризм как экзистенциальный феномен), И. Рассохи (определение сущности тоталитарного режима); либо *современного общества потребления*: работы Э. Фромма (особенности человеческого существования в обществе потребления), Ж. Бодрийера (нюансы «знакового потребления»), Ю. Оганисяна (особенности российского общества потребления), О. Машитько (связь системы потребления с логикой «пустого знака», с по-

нятием неявного насилия, принципом нехватки реальности), И. Троцук и Е. Давыденковой (феномен этического консьюмеризма); либо *общества диффузного контроля*: работы Ж. Бодрийера (диффузия, смещение различных социальных функций), Ги Дебора (политика в рамках «Общества спектакля»), С. Жижека (проблема неявного «системного насилия» в обществе). Наконец, сравнение тоталитарных режимов с идеологией общества потребления главным образом нашло свое отражение в материалах Франкфуртской школы – в трудах М. Хоркхаймера и Т. Адорно (критическая теория общества, основанного на формальной рациональности), Г. Маркузе (исследование идеологии «одномерного общества»).

Постановка проблемы

Современное западное общество именуется демократическим, осмысляя себя в качестве гуманного общества, где осуществляются гражданские права и свободы, и противопоставляя себя тоталитаризму как репрессивному режиму, подавляющему личностное развитие. Но является ли современная идеология более прогрессивной по сравнению с предшествующей, тоталитарной? Предоставляет ли она реальную свободу каждому отдельному человеку? Можно ли назвать ее более приближенной к идеалу общественного устройства, способствующему наиболее полной реализации заложенных в человеке возможностей?

Теоретики Франкфуртской школы, в первые высказавшие сомнения на этот счет, сравнивали устройство тоталитарных обществ с политическим строем, сложившимся на Западе во второй половине XX в. Актуальны ли их сомнения и в первой половине XXI в.? Сохраняется ли идеология общества потребления в качестве господствующей и по сей день? Как-

вы механизмы управления большими массами людей в современных западных государствах? Данные вопросы подвергаются осмыслению в нашей работе.

Цель данного исследования – проанализировать особенности двух типов общественного устройства – тоталитарного и общества потребления, сравнить их с идеологией общества диффузного контроля, сложившегося в западном мире на сегодняшний день, сделать вывод о сходствах, различиях, дальнейших возможных трансформациях в сфере идеологии.

Методология

В качестве методологической основы в данном исследовании используются дескриптивный метод, общенаучные методы анализа и сравнения. Немаловажная роль принадлежит также диалектическому методу, позволяющему выявить основные противоречия, возникающие между политическими режимами прошлого и настоящего, и высказать предположения относительно их дальнейшего разрешения в процессе исторического развития западной идеологической системы.

Результаты исследования

Тоталитарное общество. При тоталитарном режиме репрессивного типа происходит огосударствление частной и общественной жизни граждан, подчинение их диктату однопартийной системы и вырабатываемой ею идеологии. Наблюдается слияние интересов партии и государства, общества и отдельного человека. Вся власть централизуется в руках вождя. На средства производства, образование, а также средства массовой информации осуществляется государственная монополия.

Происходит всеобщая милитаризация. Сплочение граждан во имя противостояния остальному миру. Проводится политика изоляционизма («железный занавес»), ограничивающая свободу передвижения. Государство превращается в полицейское, а главным механизмом управления и контроля в нем становятся террор и массовые репрессии.

Жизнедеятельность граждан протекает в соответствии с идеологическими установками с помощью создания системы всеохватывающих организаций – от пионерских и комсо-

мольских до творческих союзов, надзирающих за жизнью людей. Гражданские свободы нивелируются. Властью осуществляется цензура, сводящая на нет свободу слова, печати, совести. Происходит формирование нового типа сознания посредством внедрения новых идеалов, целей, ценностей. Основным помощником в этом выступает искусство. В сотрудничестве с авангардистами создаются проекты переустройства быта, преобразования установок педагогического процесса, изменения языка, мышления и, главное, всей системы мировоззрения человека будущего. Вначале чиновники активно сотрудничают с авангардистами, помогающими разрушить сложившиеся традиции, затем деятели искусства оказываются подчиненными идеологии, диктующей основные темы искусства: строительство новой жизни, труд, спорт, борьба за светлое будущее; единый стиль – «героический реализм»; задачи – воспитание масс, пропаганда могущества страны; принципы: идейность, честность, доступность выражения; главная цель – «формовка» нового человека (сильного, преданного идее, трудолюбивого оптимиста, героя, готового пожертвовать собой ради дела партии) [2]. Благодаря массовости происходит «усечение личности» до «размеров», которые легко учитывать, появляется возможность с легкостью управлять людьми.

Главными принципами нового типа сознания, внедряемыми через СМИ, искусство и систему образования, выступают материализм, рационализм, аскетизм, утопизм. В сознание внедряется «переписанная история».

Осуществляются гонения на интеллектualизм. Господствующей становится массовая культура с ее простотой, общедоступностью и соответствием господствующей идеологии.

Создается четкая иерархия общества: во главе стоит непререкаемый авторитет – вождь (герой, вдохновитель побед, мудрый учитель, дружески настроенный по отношению к верным ему гражданам и суровый к врагам); ниже располагаются соратники (преданные вождю товарищи по борьбе, являющие собой эталон справедливости, мужества, порядочности); в самом низу – «новые люди» (сильные, преданные идее трудолюбивые аскеты, которых должны отличать жертвенность, героизм, оптимизм, энергичность, рационализм).

К обществу диффузного контроля. К концу XX в. тоталитарные режимы подобного типа отживают свое. В обществе поднимается критика репрессивных методов тоталитаризма. Но сменяющая его власть нового типа оказывается не менее тоталитарной. Вначале на Западе, а теперь и в России складывается «одномерное общество» [1] («фашизм с улыбающимся лицом» [3]), в котором осуществляются обезличивание человека, стандартизация мышления и поведения – те же процессы, что и при тоталитарно-репрессивных режимах, но механизм террора заменяется в нем механизмом порождения ложных потребностей и пробуждения страсти к их удовлетворению. Подлинная свобода заменяется свободой выбора между различными брендами, под которыми выпускается аналогичный товар.

В рамках общества потребления также происходит сращивание политики и экономики, но доминирующими оказываются не политические, а экономические интересы. Идеология потребления отныне становится всепроникающей. Она оказывается главным измерением, в рамках которого происходит формирование человека [4]. Современные люди повышают самооценку посредством увеличения количества и качества потребляемых вещей. Отношения эксплуатации распространяются ими также на природу и общество. В результате «овеществленными» становятся и другие люди, и сам человек, впадающий в зависимость от объектов потребления. Но остановить этот процесс он не в силах: жажда удовлетворения только разжигается потреблением, на смену одним новинкам приходят другие, недавнее приобретение очень быстро перестает радовать, побуждая к поиску чего-то более совершенного.

Одной из черт потребляемого товара оказывается «его загадочность, обещание „чего-то большего“, непостижимого удовольствия, месторасположение которого – фантазия. Современная реклама адресована не потребности, а именно этому фантазматическому месту» [5, с. 82]. Наше потребление стимулируется не столько необходимостью в том или ином предмете, сколько ожиданием того, что именно этот товар удовлетворит саму жажду потребления, результатом чего окажется состояние радостного покоя, не отягченного никакими желаниями. Вместе с тем подобные – в большей

или меньшей степени осознаваемые – усилия человека прекратить нескончаемый поток желаний тщетны, поскольку современное общество довольно изобретательно в вопросах стимуляции потребления. Приобретение товаров становится развлечением. Для этого создаются торгово-развлекательные центры, в которых поддерживается особая атмосфера: комфортная температура в сочетании с большими пространствами, отсутствием суеты, приятной музыкой, бесплатными удобствами создают приподнятое настроение, состояние расслабленности. А скидки, распродажи, специальные предложения, выгодная система кредитования вызывают стремление не упустить свою выгоду. При этом выгода оказывается чисто символической, так как все декларируемые «скидки» – это не что иное, как временное снижение предварительно завышенной цены, а за любые средства, взятые в кредит, покупатель вынужден в дальнейшем расплачиваться еще большей суммой.

Происходит виртуализация всех сфер социальной действительности [6].

В сфере экономики идет «развеществление» продуктов потребления [7]. Меновая стоимость отрывается от потребительной, а товарный фетишизм эпохи индустриального капитализма сменяется новой фетишистской установкой: «ты то, чем ты кажешься» [8]. Человек потребляет не вещи, а знаки, символы определенного статуса, престижа [9]. Благодаря внедрению серийного производства уничтожается ценность оригинальности. Описанные В. Беньямином [10] изменения в восприятии художественного творения в «эпоху его технической воспроизводимости» характерны для восприятия жизни в целом. Мы живем в эпоху воспроизводства: человек больше не формирует собственное мнение, но воспроизводит мнение общественное; в университетах происходит не создание знания, культуры, а воспроизводство уже имеющихся [Там же]. Развлечение и потребление оказываются мотивами деятельности большинства людей. «Потребление вписывается в обширную современную сферу раскрепощения личности, с одной стороны, и тотального и детализированного управления обществом – с другой» [11, с. 160].

В политической сфере осуществляется разрыв между политикой и управлением. Полити-

ка постепенно превращается в театрализованную «шоу-политику», имеющую отношение не столько к управлению страной, сколько к набиранию очков в предвыборных кампаниях. Реально правят массами не «избранники народа» (завоевавшие свое место благодаря победе в борьбе имиджей), а чиновники, которые стоят за ними [8].

Не менее радикально меняется сущность науки в современном мире. В данной сфере осуществляется разрыв между истинностью и научностью. Ученый часто ищет не истину, а спонсора, беспокоясь о коммерческой стороне дела [12].

Схожие процессы происходят и в искусстве, где — в отсутствие четких эстетических критериев — ценность произведений определяется прибылью, которую они приносят. Основным критерием оценки произведения искусства оказываются известность его творца и стоимость его прежних работ. Теперь ценность «произведения» определяется вовлеченностью в культурный контекст, маскирующий всё те же структуры общества потребления, и количеством вложенных в него сил по продвижению его на рынке. Искусство может подражать реальности, копировать ее или создавать фантастические образы — нет никаких запретов, всё допустимо. Функциями художественного произведения делаются развлечение массы или демонстрация высокого уровня доходов коллекционера. При этом в первом случае за возможность «развлечения» реципиентам приходится платить просмотром рекламы (во время рекламной паузы) или ознакомлением с деятельностью спонсоров, благодаря которым было проведено то или иное мероприятие (выставка, концерт и т. п.).

«Искусство теперь повсюду, поскольку в самом сердце реальности теперь — искусственность...» [6, с. 144]. Эстетизацией мира (и тотальной его семиотизацией) занимается реклама. Ее функция заключается в создании образов, стилей поведения, с которыми ассоциируются рекламируемые товары. При этом искусственно порождаются новые потребности. Основная проблема рекламы в том, что рекламируемые образы связаны с потреблением товаров или услуг, цель которых — большее удобство, расслабление, развлечение, повышение социального престижа посредством приобретения товаров более дорогой марки. О духовном саморазви-

тии, совершенствовании речи нет. Общество потребления — в противоположность обществу тоталитарно-репрессивного типа — нацелено не на будущее, а исключительно на настоящее. «Лови момент!» (пока не закончились скидки), «Живи настоящим!» (пока не наступил новый виток кризиса и сбережения не обесценились) — вот лозунги современной эпохи.

Историю отныне не переписывают. Она просто перестает существовать, растворяется в «вечном настоящем». Благодаря технике оказывается возможным реконструировать далекие события, создавать фильмы по мифологическим сюжетам; благодаря гласности — знакомиться с секретными документами, анализировать различные мнения о событиях прошлого... Но стоит человеку оказаться перед телевизором и начать нажимать кнопки пульта дистанционного управления — всё перемешивается, как на экране, так и в мышлении: события далекого прошлого и случившиеся сегодня, важные и несущественные, фантастические и настоящие — все оказываются равнозначными, у человека не складывается понимание преемственности развития, теряется ощущение истории. Искажается и ощущение реальности. То, что явлено перед людьми благодаря СМИ, — сфабрикованная реальность: сущность любого события искажена в результате той или иной интерпретации произошедшего путем акцентирования внимания на одних моментах и нивелирования других.

Реальность повседневного, обыденного опыта современного человека оказывается пронизанной информационными потоками иного рода — связанными с Интернетом: время, проводимое человеком в социальных сетях, стремительно растет, но вряд ли уместно называть сетевую реальность «подлинной» — реальность, где количество «друзей» измеряется порой сотнями человек, и каждый «самовыражается» посредством «болтовни» и похожих друг на друга селфи. Впрочем, реальность самого человека ставится под сомнение. Теперь индивид может поменять не только профессию, место жительства и внешность, но даже пол. Нужно только определиться со своими предпочтениями.

Но на что при этом человек может опереться? «Будь собой!» — призывает человека современное общество. Но что означает «быть собой»? Собой становятся в результате

самоопределения. Но когда это происходит в обществе, основным механизмом функционирования которого выступает потребление, «поиски себя» оказываются нацеленными лишь на обладание, а объектом обладания является не «Я», но санкционированные обществом знаки престижа — машина престижной марки, квартира в хорошем районе и т. д. Поставив перед человеком такие цели, общество позаботится о том, чтобы человек, с одной стороны, смог их достичь (встраиваясь в общий механизм, добросовестно выполняя точно определенные функции на работе), а с другой — никогда не останавливался на достигнутом, ведь то и дело на рынке будут возникать более современные машины, более удобное жилье...

Духовность современного человека, возможности его личностного роста ставятся под сомнение [13]. Процессы, происходящие в тоталитарном обществе репрессивного типа, повторяются и в обществе потребления: человек оказывается подконтрольным, его идеалы, устремления, ценности заранее программируются, а возможности развития внутренней природы не воплощаются в действительность. Если рассматривать два эти типа не синхронически, как мы это делали до сих пор, а диахронически, мы столкнемся здесь с возрастанием тотализации и контроля. Как показывают современные теоретики марксистского толка, общество, основанное на принципах рассредоточенного, диффузного контроля, эффективнее подчиняет себе человека, чем общество контроля централизованного, оставляющее лакуны для ускользания и даже дающее возможность некоторого реального сопротивления. При этом диффузно осуществляющаяся власть над индивидами гасит, включая в себя как еще один товар, еще один спектакль, любую форму сопротивления и борьбы против себя [8]. Так, например, в современной западной культуре широким спросом пользуется образ бунтаря, несогласного с системой. Он не только хорошо продается, но и подчас выступает эффективным инструментом реальной политики. Первое десятилетие нашего века зарекомендовало себя как эпоха «оранжевых революций», которые являются, по сути, экспортом этого образа в промышленных масштабах.

Постмодернистская критика. Как тоталитарный политический режим, так и идеология

общества потребления подвергаются острой критике в философии постмодернизма. Само понятие постмодерна возникает благодаря критике «тотализирующего проекта модерна» [14] с его стремлением подчинить единой — «разумной» — воле всех разумных существ, обустроить общественное бытие в соответствии с принципами свободы и справедливости. История показывает, что ни одна из попыток воплотить в жизнь этот проект не привела к положительному результату. Логическим завершением «проекта модерна» [15] можно считать тоталитарные режимы и современное общество потребления.

Однако, несмотря на то, что постмодернистская философия вновь и вновь направляет критические усилия на наличный тоталитарный порядок, следует отметить, что сама эта критика с некоторых пор стала его неотъемлемой частью, как когда-то младогегельянская критика идеологии сама стала производством идеологии. На рубеже XX и XXI вв. то же самое произошло и с постмодернистской критикой: дефицит референции, свойственный всем без исключения постмодернистским и постструктуралистским проектам, стал маркером того, что постмодерн выдохся, так и не сумев предложить адекватных способов сопротивления обществу потребления и утратив иммунитет к нему. Постмодернистские теоретики стали еще одним товаром на прилавках мирового супермаркета, потребляемым знаком и модным интеллектуальным трендом.

С другой стороны, победив репрессивный тоталитаризм, общество диффузного контроля не стояло на месте: оно развивалось в сторону своей тотализации и выработки новых механизмов власти, таких, например, как экспорт «оранжевых революций» или производство управляемого хаоса. Это общество достигло предела своего развития, и уже сейчас можно заметить признаки его разложения. Уже наиболее прозорливый теоретик постмодерна Ж. Бодрийяр отметил дату его конца как 11 сентября 2001 г., интерпретируя событие разрушения «башен-близнецов» как прямое, травматическое вторжение реальности в порядок производства символического. Образ террористической угрозы, который произвела система, оказался столь мощным, что потряс ее до самого основания. Он на время вырвал индивидов из уютного мирка зрелищного замороженного мира, в по-

рядке самолегитимации производимого системой производства.

Постепенно эта трещина начала разрастаться. Неудача европейской политики мультикультурализма и вышедший из-под контроля функционеров нового порядка мировой терроризм, создавший квазигосударственное образование на Ближнем Востоке, заставляет сегодня рассматривать феномен терроризма как один из признаков конца тоталитарного общества диффузного контроля. Появляется слишком много людей прямого действия, готовых гибнуть ради убийства других. Отныне среди образов спектакля [8] возникают образы совершенно иного качества, нарушающие тотальный покой общества потребления. Образы террористических атак в сердце безопасной Европы, наводнившие массмедиа, это не просто производство страха, необходимого для эффективного контроля человека. За этими образами просвечивает реальная опасность, они приобретают референцию в лице мусульманских анклавов европейских городов, женщин в парандже, исламских проповедников. Отныне эти образы не просто страшат, они обладают и мобилизационным потенциалом, который бросает на бесчувственного от перманентного гедонизма индивида отсвет подлинного ужаса.

Такая в прошлом безобидная вещь, как социальная сеть, работавшая когда-то лишь в целях проведения досуга, начинает выполнять функции призывного пункта, отправляя всё новых рекрутов на войну с неверными прямо из-за стола, на котором стоит подключенный к сети компьютер.

Собственно то, что скрывается за этими образами, человек общества потребления воспринимает как сущий хаос, перед которым меркнет любой Гитлер. Такой хаос, просвечивая тонкую оболочку цивилизованности, вызывает к внутреннему, невозделанному культурой потребления хаосу его самого. Это открывает представителя общества потребления не только ужасу перед архаической реальностью террора, но и порой мобилизует его. Уже не единичны случаи, когда на джихад уходят обращенные в ислам белокурые англосаксы и голубоглазые немцы. Следует уже говорить не о дефиците реальности, а о ее инфляции, когда реальной становится жажда пустоты. И даже такой ценой уставший от потребления индивид идет на про-

рыв накрывавшего его с самого детства колпака «товарного гуманизма» [Там же].

Другим событием, маркирующим конец общества диффузного контроля, стали выборы в США в 2016 г., в результате которых, против всяких ожиданий, в президентском кресле оказался внесистемный кандидат от реднеков. Следует напомнить, что Д. Трамп, будучи республиканцем, был изгоем среди республиканцев, не говоря уже о демократах и прочих защитниках прав ЛГБТ.

Как было показано выше, в обществе потребления символических стоимостей, в обществе спектакля нет политической жизни — она заменена потреблением образов политической борьбы и конкуренции, демократического выбора и свободы. Кукловоды от власти и их массмедийная обслуга прекрасно осведомлены насчет законов существования такого общества и его тотализирующих структур (которые были описаны выше). Ими отлично усвоена «сокрушительная постмодернистская критика общества потребления» и его беспощадные анализы. Сами воспитанные в лоне постмодерна политтехнологи и представители кандидата от наличного мирового порядка сделали ставку именно на производство спектакля [Там же]. Все крупнейшие медиа работали на создание отрицательного имиджа Трампа-фашиста-сексиста-ретрограда-пр., а все главные информационные и опросные службы фиксировали несомненный перевес голосов за единственного кандидата от наличного тоталитарного порядка Хилари. Как показывают современные марксистские анализы (например, Б. Кагарлицкий [16]), точно предсказавшие исход выборов, за Трампа проголосовал американский пролетариат, включая латиноамериканских мигрантов в первом поколении, а также низшие слои среднего класса. Другими словами, те, кто сидел перед телеэкраном и потреблял образ правильного кандидата, потом проголосовали против него, т. е. за очерненного или проигнорированного всеми медиа «плохого парня».

Заключение

Таким образом, итогом воплощения в жизнь просветительских идеалов в XX–XXI вв. явились два типа общественно-устройств — тоталитарный режим с тенденциями к репрессивному подавлению инакомыслия и «одномерное общество», столь же тотально контролирующее

человека с помощью порождения в нем ложных потребностей и страха перед искусственно созданными угрозами. В обоих случаях свобода, равенство и справедливость формально провозглашаются, но не осуществляются в реальности. В тоталитарном государстве все оказываются уравниваемыми перед произволом вождя, в нем недопустимы свобода слова, печати и пр. В обществе потребления равенство прав и обязанностей всех граждан, с одной стороны, закреплено законом, но с другой – перестает быть идеалом, напротив, каждый стремится выделиться из общей массы, а «заботливое

общество» как будто предоставляет человеку такую возможность, давая ему полную свободу выбора. Но этот выбор по большей части ограничивается внешними признаками и не касается человеческой сути.

В начале XXI в. мир стоит на пороге новой эпохи, очертания которой уже угадываются среди медленно, но верно распадающихся старых форм. Перед философией, пока еще пытающейся оперировать понятиями изжившего себя постмодерна, неотступно стоит задача выработки нового инструментария, адекватного стремительно меняющейся действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркузе Г. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: АСТ, 2009.
2. Голомшток И.Н. Тоталитарное искусство. М.: Галарт, 1994.
3. Фромм Э. Иметь или быть? М.: АСТ, 2014.
4. Пылькин А.А. Экология смысла: моногр. СПб.: Изд-во СПбГУСЭ, 2008.
5. Машитько О.В. Логика пустого знака в языковой концепции потребления // Система ценностей соврем. об-ва. Новосибирск: Изд-во Центра развития науч. сотрудничества, 2015. С. 81–85.
6. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2015.
7. Саяпин В.О. Виртуализация глобальной экономики в информационном пространстве современного общества // Ист., филос., полит. и юр. науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 5-1 (55). С. 168–174.
8. Дебор Г. Общество спектакля. М.: Опустошитель, 2014.
9. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1999.
10. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избр. эссе. М.: Медиум, 1996. С. 15–65.
11. Липовецки Ж. Эра пустоты: очерки современного индивидуализма. СПб.: Владимир Даль, 2001.
12. Антонян К.Г., Соколова Н.А. Наука в поле тоталитаризма власти // Глобализация науки: проблемы и перспективы. Уфа: Аэтерна, 2014. С. 49–52.
13. Абрамов Ю.Ф., Косолапов Р.А. Феномен духовности в глобализующемся обществе // Изв. Иркутского гос. ун-та. 2015. № 11. С. 169–181.
14. Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика Просвещения: философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум : Ювента, 1997.
15. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40–52.
16. Кагарлицкий Б. Потрясение в Америке. URL: <http://rabkor.ru/columns/editorial-columns/2016/11/10/working-class-revenge> (дата обращения: 17.06.2017).

СОКОЛОВА Нина Александровна – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; alonsa@inbox.ru

ПЫЛЬКИН Александр Александрович – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; arylkin@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 16.04.2017 г., принята к публикации 22.09.2017 г.

REFERENCES

- [1] H. Markuse, Odnomernyy chelovek: issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshchestva [One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society], AST, Moscow, 2009.
- [2] I.N. Golomshtok, Totalitarnoe iskusstvo [The Totalitarian Art], Galart, Moscow, 1994.
- [3] E. Fromm, Imet' ili byt'? [To have or to be?], AST, Moscow, 2014.

- [4] A.A. Pyl'kin, *Ekologiya smysla* [Ecology of Sense. Monograph], SPbGUSE Publ., St. Petersburg, 2008.
- [5] O.V. Mashchit'ko, [Logic of Empty Sign in Language Conception of Consumption], in: *Sistema tsennostey sovremenno-go obshchestva* [Value system of Contemporary Society], Ltd. Development Center of Scientific Cooperation Publ., Novosibirsk, 2015, pp. 81–85.
- [6] J. Baudrillard, *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic Exchange and Death], Dobrosvet, Moscow, 2015.
- [7] V.O. Sayapin, [Virtualization of Global Economy in Information Space of Contemporary Society], *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Liberal Studies. Theoretical and Practical Issues*, 5-1 (55) (2015) 168–174.
- [8] G. Debor, *Obshchestvo spektaklya* [Society of the Spectacle], Opustoshitel', Moscow, 2014.
- [9] J. Baudrillard, *Sistema veshchey* [The System of Objects], Rudomino, Moscow, 1999.
- [10] W. Benjamin, *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti* [The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction: selected essays], Medium, Moscow, 1996, pp. 15–65.
- [11] Zh. Lipovetski, *Era pustoty: ocherki sovremenno-go individualizma* [The Age of Emptiness: Essays on Modern Individualism], Vladimir Dal', St. Petersburg, 2001.
- [12] K.G. Antonyan, N.A. Sokolova, [Science in the Field of Totalisation of Power], in: *Globalizatsiya nauki: problemy i perspektivy* [Science Globalization: Problems and Perspectives], Aeterna, Ufa, 2014, pp. 49–52.
- [13] J.V. Abramov, R.A. Kosolapov, [Phenomenon of Spirituality in Globalizing Society], *News of Irkutsk State University*, 11 (2015) 169–181.
- [14] M. Horkheimer, T.W. Adorno, [Dialectic of Enlightenment: Philosophical Fragments]. Medium, Yuventa, Moscow, St. Petersburg, 1997.
- [15] J. Habermas, [Modernity – an Incomplete Project], *Philosophical Issues*, 4 (1992) 40–52.
- [16] B. Kagarlizkiy, [Shock in America]. Available at: <http://rabkor.ru/columns/editorial-columns/2016/11/10/working-class-revenge> (accessed 17.06.2017).

SOKOLOVA Nina A. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; alonsa@inbox.ru

PYL'KIN Aleksandr A. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; apylkin@yandex.ru

Received 16.04.2017, accepted 22.09.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017